Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 168–188
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 168–188
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663347

Объективность в зеркале языка: от лингвистического анализа к эпистемологическим интерпретациям

Сахарова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1; e-mail: hanna.lazareva@gmail.com

В статье представлен семантический анализ языковых практик употребления лексемы *объективный* и ее дериватов на материале корпуса естественно-научных статей. Цель исследования – выявить семантические и прагматические особенности лексемы, проанализировать полученные результаты в лингвистическом ключе и интерпретировать полученные результаты с опорой на философские концепции объективности. Лингвистический анализ контекстов употребления рассматриваемых лексем показал, что онтологическое понимание объективности как соответствия реальности сохраняется в научном дискурсе, однако занимает периферийное положение. Доминирующим является методологическое понимание, при котором объективность соотносится с характеристиками методов, процедур и измерительных практик. Дальнейший анализ включал интерпретацию полученных лингвистических данных с опорой на философские концепции объективности, что позволило выявить два аспекта проблематичности понятия. Первый связан с расхождением между пониманием объективности, выраженным в языке научных статей, и характеристиками самого этого языка. Это расхождение формулируется в контексте подхода к объективности Лоррейн Дастон и Питера Галисона. Употребление лексемы *объективный* и ее дериватов отражает идеал «механической объективности», который предполагает инструментальную независимость, формализацию и устранение субъекта. Однако язык научных статей одновременно воплощает нормативный идеал «тренированного суждения», включающий интерпретацию, оценку и риторическую организацию материала. Это может свидетельствовать о том, что постепенный переход между указанными эпистемическими нормами осуществляется, но не осознается самим научным сообществом. Второе расхождение возникает между интерпретацией объективности, фиксируемой в текстах научных статей, и ее трактовкой в философской литературе. В текстах научных статей объективность может быть интерпретирована в онтологическом и методологическом смысле. В философии науки, наряду с этими двумя типами, выделяется также интерсубъективное понимание объективности, предполагающее трактовку объективности как социальной разделяемости и воспроизводимости внутри сообщества. Третий тип не находит отражения в языковых практиках, однако является ключевым для ряда направлений философии науки, в частности для последователей «сильной программы». Возможно, именно это расхождение в понимании объективности и обусловило остроту полемики «научных войн». Также это расхождение ставит вопрос о степени соотнесенности философских концептуализаций науки с реальными дискурсивными формами научной деятельности.

Ключевые слова: объективность, семантика, прагматика, эпистемология, сильная программа, логический анализ языка, философия науки

© Сахарова А.В., 2026

OBJECTIVITY IN THE MIRROR OF LANGUAGE: FROM LINGUISTIC ANALYSIS TO EPISTEMOLOGICAL INTERPRETATIONS

Anna V. Sakharova –
PhD in Philology,
Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: hanna.lazareva@gmail.com

The article presents a semantic analysis of linguistic practices in the use of the lexeme *objective* and its derivatives, based on a corpus of natural science articles. The aim of the study is to identify the semantic and pragmatic features of the lexeme, analyze the obtained results from a linguistic perspective, and interpret these results with reference to philosophical concepts of objectivity. A linguistic analysis of the contexts in which the lexemes in question are used shows that the ontological understanding of objectivity as correspondence to reality is preserved in scientific discourse, but occupies a peripheral position. The dominant understanding is methodological, in which objectivity is associated with the characteristics of methods, procedures, and measurement practices. Further analysis involved interpreting the linguistic data obtained with reference to philosophical concepts of objectivity, which made it possible to identify two aspects of the problematic nature of the concept. The first is related to the discrepancy between the understanding of objectivity expressed in the language of scientific articles and the characteristics of that language itself. This discrepancy is formulated within the framework of Lorraine Daston and Peter Galison's approach to objectivity. The use of the lexeme *objective* and its derivatives reflects the ideal of "mechanical objectivity", which presupposes instrumental independence, formalization, and the elimination of the subject. However, the language of scientific articles simultaneously embodies the normative ideal of "trained judgment", which includes interpretation, evaluation, and the rhetorical organization of material. This may indicate that a gradual transition between these epistemic norms is taking place, but is not recognized by the scientific community itself. The second discrepancy arises between the interpretation of objectivity recorded in the texts of scientific articles and its treatment in the philosophical literature. In the texts of scientific articles, objectivity can be interpreted in an ontological and methodological sense. In the philosophy of science, alongside these two types, an intersubjective understanding of objectivity is also distinguished, which entails interpreting objectivity as social shareability and reproducibility within a community. The third type is not reflected in linguistic practices, yet it is crucial for a number of trends in the philosophy of science, in particular for adherents of the "strong program". It is possibly this discrepancy in the understanding of objectivity that gave rise to the intensity of the "science wars" polemics. This discrepancy also raises the question of the degree of correspondence between philosophical conceptualizations of science and the actual discursive forms of scientific activity.

Keywords: objectivity, semantics, pragmatics, epistemology, Strong Programme, logical analysis of language, philosophy of science

Введение

Понятие объективности традиционно рассматривается как ключевая категория и фундаментальная ценность науки. Однако его кажущаяся самоочевидность скрывает в себе внутреннюю неоднозначность и проблематичность. Проблематичность объективности во многом обусловлена тем, что данное понятие функционирует на пересечении различных типов дискурсов и форм познания – обыденного, научного и философского. Повседневный и научный образы мира, как правило, противопоставляются: обыденный дискурс отражает непосредственный опыт, тогда как научный язык фиксирует результаты специализированного познания: объективное в этих контекстах может значить разное. Когда физик, философ и человек, не связанный с наукой, говорят об объективности, за этим стоят не просто различные определения, но различные способы концептуализации мира. В результате объективность оказывается семантически и прагматически неоднородным понятием, особенно на стыке дискурсов и в ситуациях, когда один дискурс оказывает влияние на другой. Интуитивные определения – как отсутствие субъективности или соответствие реальности – оказываются лишь приближением, поскольку «для большого класса случаев – хотя и не для всех, – в которых мы используем слово “значение”, его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке» [Витгенштейн, 2018, с. 43], т.е. конкретное содержание понятия определяется контекстом. Мы не можем сослаться и на словарные определения: определения из толкового и философского словаря будут разными, а словарь языка науки отсутствует как вид. Дополнительную сложность вносит разнообразие трактовок объективности внутри указанных дискурсов. Например, внутри философии науки это понятие становится проблемным даже в тех случаях, когда, не находясь в фокусе внимания, оно лежит в основании теоретических позиций, как, например, в дискуссиях, известных как «научные войны».

По-разному, вероятно, понятие объективности может осмысляться и внутри научного дискурса. Однако исследователи особенно в последние десятилетия редко делают само понятие объективности предметом явного эпистемологического анализа и обсуждения. Как отмечает Стивен Шейпин, практикующие ученые склонны дистанцироваться от эпистемологических обсуждений, воспринимая их как внешние по отношению к научной деятельности: «Практикующие ученые, по-видимому, почти не обращают внимания на дебаты или высказывания эпистемологов. Действительно, в естественных науках эпистемологические и метанаучные размышления, а также социологические размышления часто воспринимаются как знак заслуженного положения. Иногда их прямо осуждают как неуместные,

непрофессиональные или даже патологические: может быть, это то, что делают философы или социологи, но (как говорят) это не то, чем должны заниматься практикующие ученые» [Shapin, 2015, p. 674].

Перспективным для прояснения позиции самих ученых по отношению к понятию объективности и ее смыслам представляется рассмотрение его функционирования в научной практике – там, где ученые, обеспокоенные статусом своих объектов или результатами работы, так или иначе воспроизводят это понятие, не нуждаясь в его рефлексии. Иными словами, отношение ученых к объективности может выражаться не только в явных высказываниях о ней, но и в практиках исследовательской деятельности (на что, например, указывает [Соколова, 2022, с. 30]). Такое «неявное» присутствие объективности в языке науки позволяет поставить вопрос о том, является ли ее концептуальное прояснение необходимым условием научного мышления или же она функционирует как имплицитная установка, не требующая постоянной вербализации: «Не следует ли перестать заботиться о смысле этого концепта и предоставить объективности возможность скрытого присутствия в научных практиках и экспертной деятельности ученых» [Шиповалова, 2025, с. 7].

Но как получить доступ к этому понятию в ситуации, когда исследователи не формулируют его эксплицитно? Источники могут быть различными, однако наиболее распространенным подходом являются case studies. Вместе с тем они характеризуются высокой степенью интерпретативности и не обладают столь же явно фиксированным эмпирическим основанием, как лингвистические исследования, основанные на систематическом анализе языковых данных.

В качестве дополнительного источника, дополняющего «кейсы» («ситуации»), могут выступать тексты научных статей, поскольку они отражают имплицитные установки и неявное знание авторов естественно-научных исследований [Полани, 1995]. В этом случае текст рассматривается не только как носитель содержания, но и как материал для реконструкции стоящих за ним когнитивных структур. При этом лингвистический анализ может использоваться как самостоятельный метод изучения научных практик, а также как средство уточнения и эмпирической конкретизации результатов, полученных в рамках case studies.

Гипотеза

В основе исследования лежит предположение о том, что анализ языковых практик использования лексемы *объективный* и производных от нее (*объективность*, *объективизировать*) как языковых репрезентаций концепта «объективность» в естественно-научных текстах

позволяет выявить стоящие за ними имплицитные когнитивные практики – т.е. не проговариваемые прямо, но регулярно воспроизводимые способы концептуализации научного знания, его границ и оснований достоверности. Этот анализ может быть полезен для философских исследований научных практик, поскольку он позволяет реконструировать неявные эпистемические установки, регулирующие деятельность ученых, и уточнить, каким образом в реальной научной коммуникации присутствует представление об объективности. Тем самым лингвистический анализ выступает как инструмент доступа к «внутренней» перспективе науки, позволяя косвенно зафиксировать позицию самих исследователей без обращения к их эксплицитной методологической рефлексии. Понимание того, как эти когнитивные практики проявляются в языке, становится особенно значимым в сравнении с философскими моделями объективности, которые описывают нормативные представления о научном знании. Сопоставление выявленных языковых практик с философскими подходами позволят не только увидеть, где фактические способы концептуализации совпадают с философской рефлексией, но и выявить расхождения, а также проанализировать их причины и значение для понимания научной практики.

Материал и методы исследования

В настоящем исследовании рассматривается синхронический срез представлений об объективности в начале XXI в., реконструируемый на материале научных статей авторов естественно-научных и технических специальностей. Анализ основан на семантическом исследовании употреблений лексемы *объективный* и производных от нее (*объективность*, *объективизировать*), репрезентирующих концепт «объективность» в естественно-научных текстах.

Материалом исследования послужила выборка из 472 русскоязычных научных статей по физике, механике, материаловедению и металлургии (1999–2020 гг.), размещенных в электронных библиотеках eLIBRARY.RU и CyberLeninka. Все тексты имеют ненулевую цитируемость, что рассматривается как формальный показатель включенности в научную коммуникацию. Общий объем выборки составил 3 118 995 словоформ.

Довольно часто лингвистическому анализу подвергаются нормативные установки научного текста – прежде всего в контексте образовательной деятельности и обучения научному письму (см., например, [Lederman, Zeidler, 2023]). Однако сами эти установки являются частью более широкой риторической практики науки. Как отмечается в [Zerbe et al., 2025], сегодня это направление переживает двойной

кризис: наука утрачивает былое риторическое доминирование, а сама риторика науки остается узкоакадемической дисциплиной. В этих условиях особенно важным становится анализ того, как научные тексты используют риторические ресурсы для конструирования своих ключевых эпистемических категорий, что требует привлечения качественно ориентированных методов анализа языкового материала, основанных на интерпретации контекстов употребления. Для анализа объективности на русскоязычном материале наиболее адекватной представляется методология, разработанная в рамках направления «Логический анализ языка» [Арутюнова, 1988; Арутюнова, 1999; Радбиль, 2016; Радбиль, 2017]. В рамках этого подхода язык рассматривается не только как средство выражения уже готовых смыслов, но как система, в которой закреплены способы концептуализации действительности, в том числе – эпистемические и оценочные структуры. Соответственно, анализ лексемы *объективный* и ее дериватов предполагает фиксацию частотности и контекстов употребления, а также реконструкцию контекстуальных семантических оппозиций и сходств, в которые она встроена (например, объективное vs субъективное, объективное = естественное).

Лингвистический компонент исследования основывается на выявлении и типизации контекстов с указанными лексемами и их семантической интерпретации с опорой на идею о том, что «само собой разумеющееся» в языке представляет наибольшую аналитическую ценность: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [Радбиль, 2017, с. 34]. В частности, после выделения контекстов и их типизации предполагается описание выявленных семантических признаков (например, независимость от субъекта, процедурная обоснованность, соответствие реальности), анализ деривационных (производных) значений, в которых происходит смещение или расширение исходной семантики и учет прагматических функций высказывания, в частности риторических употреблений, направленных на прагматическое воздействие на адресата.

Лингвисты группы «Логический анализ языка» не обращались к анализу представлений об объективности в языке, однако они подробно рассматривали вопрос о языковой рецепции истины и истинного [Логический анализ языка, 1991; Логический анализ языка, 1995]. В частности, особенности семантики лексем *истинный* и *ложный* анализировались Галиной Ивановной Кустовой [Кустова, 2008], метаязыковые показатели со значением истинности – Тимуром Беньюминовичем Радбилем [Радбиль, 2016], а вопросы концептуального анализа лексических показателей истинности – Ниной Давидовной Арутюновой [Арутюнова, 1991]. В результате исследований концептов истины и истинного была выработана лингвистическая

методология, применимая и к анализу лексемы *объективный* и ее дериватов, хотя сам концепт, как мы уже указали выше, специально не рассматривался.

В аспекте намеченного сопоставления философских подходов с позицией ученого, выраженной в текстах, наиболее значимыми представляются работы Лоррейн Дастон и Питера Галисона, представителей «сильной программы» (в частности, Дэвида Блура), а также исследования Лады Владимировны Шиповаловой.

В работе Л. Дастон и П. Галисона [Дастон, Галисон, 2018] «механическая объективность» (исключение субъекта) рассматривается не как универсальное и неизменное свойство научного знания, а как исторически изменчивая, существующая наряду с другими эпистемическими добродетелями и идеалами научного познания: «истиной-по-природе» (идеализация сущности) и «тренированным суждением» (экспертная интерпретация). Смена доминирующих эпистемических добродетелей отражает изменение представлений о роли субъекта в познании – от центральной роли ученого-гения – к его радикальному устранению – и далее к его дисциплинированному включению в виде обученного интерпретатора. Эта модель задает рамку для анализа внутреннего напряжения между декларацией объективности и фактическими практиками научного письма.

В философских подходах к объективности фиксируется ее многоуровневый характер, включающий онтологические, методологические и интерсубъективные измерения, что системно эксплицировано в работах Л.В. Шиповаловой, выделяющей три основных значения: негативное (как независимость от субъекта), позитивное онтологическое (как соответствие реальности) и интерсубъективное (как социальная значимость, разделяемость и устойчивость знания)» [Шиповалова, 2014, с. 307]. В рамках этого третьего уровня особое внимание получает «сильная программа» Д. Блура [Bloor, 1984], в которой объективность трактуется как результат интерсубъективных процессов: объективное знание понимается не как отражение независимой реальности и не как следствие устранения субъекта, а как эффект функционирования коллективных норм, конвенций и механизмов согласования внутри научного сообщества, благодаря которым обеспечивается социальная устойчивость и воспроизводимость убеждений.

Результаты лингвистического исследования

В исследованном материале выявлено 55 вхождений лексемы *объективный* и ее дериватов, распределенных по 17 текстам, что составляет 3,6% от общего числа проанализированных статей. Количество

употреблений лексемы *объективный* и ее дериватов на один миллион слов в корпусе текстов: IPM (instances per million) = 17,6.

Контексты употребления указанных лексем в научных текстах могут быть систематизированы по двум основным типам: **онтологическому** (контексты, характеризующие реальность и соответствие информации реальности) и **методологическому** (контексты, говорящие об объективности метода и условиях получения знания).

Таблица 1. Количественное распределение лексемы *объективный* и ее дериватов по типам

	Количество вхождений	Количество текстов
Онтологический тип	18	8
Методологический тип	37	12

Онтологический тип контекстов

Онтологический тип контекстов представлен 18 вхождениями в 8 из рассмотренных текстов. В рамках этого типа можно выделить два значения лексемы *объективный* и ее производных.

Первое – собственно онтологическое: в этих контекстах объективность выступает как дескриптивная характеристика самой реальности. Она понимается как существование «само по себе», независимое от того, фиксирует ли это состояние или процесс наблюдатель. Данный тип контекстов встречается в 9 случаях, из которых два имеют терминологический характер, один может быть интерпретирован как риторический, а один демонстрирует деривацию значения. Примеры такого употребления включают утверждения: «Это состояние **объективно** (здесь и далее выделено мной. – *А.С.*) и не зависит от наблюдателя и от процесса наблюдения» [Жмудь, 2015, с. 107] и «Тем самым автор парадокса признает, что в любой момент до наблюдения кот либо **объективно** жив, либо **объективно** мертв. То есть состояние кота может быть **объективно** лишь одним из двух, а никак не смешением двух» [Там же, с. 108]. Несмотря на невысокую частотность, данный семантический тип кажется нам важным для анализа, поскольку отражает интерпретацию объективного как соответствующего реальному положению вещей. В этом онтологическом понимании реальность не допускает степеней объективности, в отличие от эпистемологических контекстов (см. ниже), где возможна сравнительная оценка степени объективности. Так, кот либо объективно жив, либо объективно мертв; понятие «более объективно живой» здесь не имеет смысла.

Пример деривации этого типа значения связан с противопоставлением «объективная эволюция» и «субъективное модифицирование»: «Это может быть результатом **объективной эволюции** и/или **субъективного модифицирования** химического, минералогического, дисперсного и морфологического состава цементного камня» [Баженов, 2014, с. 8]. В данном контексте слово *объективный* используется как синоним естественности, отсутствия вмешательства человека или субъекта. Противопоставленный объективному «субъективно модифицированный состав», напротив, указывает на изменение, внесенное деятельностью человека.

Терминологическое употребление в контекстах «*покоящаяся объективно система отсчета*» и «*объективно существующее понятие покоя*» фиксируют соответствие реальности – но не физической, а теоретической и математической, идеализированной, в которой состояния покоя и движения объектов фиксированы независимо от наблюдателя.

Во втором типе онтологического значения лексемы *объективный* и ее производных в центре внимания оказывается не сама реальность как таковая, а соответствие знания (информации, данных) реальности. В этом случае свойство объективности приписывается уже полученному знанию: «Долг же научной общественности состоит в своевременном и по возможности наиболее **объективном** информировании населения» [Гичев, 1999, с. 67] – здесь акцент делается на том, чтобы передаваемая информация соответствовала реальному положению вещей, вне зависимости от методов ее получения и передачи.

Аналогично, выражение: «Это объясняется целым рядом **объективных** факторов» [Леонов, 2018, с. 104–105], – фиксирует факторы, которые, по мысли автора, соответствуют действительности. В контексте: «С момента появления первых результатов, свидетельствующих о влиянии ЭМП на состояние здоровья человека, в научной литературе не утихает полемика о достоверности и **объективности** полученных выводов» [Гичев, 1999, с. 20], – автор усиливает акцент на объективности, ставя ее в один синонимический ряд с достоверностью, т.е. соответствием информации реальности.

В обоих онтологических значениях встречаются риторические употребления лексем, в которых апелляция к объективности выполняет функцию усиления убедительности высказывания и не соотносится с верифицируемыми характеристиками знания или реальности. Риторические употребления относительно немногочисленны: 6 случаев в 5 текстах. В целом их можно назвать деривациями онтологического типа контекстов, поскольку апелляция происходит именно к реальности как к самому сильному риторическому аргументу: «Апелляция к реальной структуре мира именно потому и является максимально эффективным средством языкового воздействия –

трудно что-то противопоставить неотвратимым законам мироздания» [Радбиль, 2017, с. 267]. Апелляция к объективности придает утверждению дополнительную убедительность, например, в следующем контексте: «Дискретные модели, и **это объективность,** в недалеком будущем будут в количественном отношении значительно превалировать над непрерывными моделями» [Морозов, 2014, с. 184]. Риторическое употребление в данном случае связано с апелляцией к будущему состоянию науки («это завтрашний день»), что выводит высказывание за пределы собственно объективного описания. Объективность предполагает фиксацию уже существующих состояний, свойств или закономерностей, тогда как высказывания о будущем носят прогностический характер и неизбежно включают элементы оценки, предположения и теоретического моделирования. В силу этого объективность не может в строгом смысле приписываться будущим состояниям, поскольку они еще не реализованы и не поддаются непосредственной верификации.

Аналогично риторический потенциал фраз «объективные причины», «объективные факторы» также обусловлен их неверифицируемой оценочностью. Эти факторы и причины опираются на субъективную оценку автора. Например, в следующем контексте речь идет об объективных причинах, связанных с отсутствием комплексного подхода (а кто мешает?) и о недостаточном (для кого? Относительно чего?) финансировании: «Отставание отечественных разработок ВОД объясняется рядом **объективных причин**, среди которых определяющей является отсутствие комплексного подхода к решению этой проблемы и, как следствие, недостаточное финансирование этой области контрольно-измерительной техники» [Гармаш, 2005, с. 131].

Также в какой-то мере тавтологичное использование фразы «объективная реальность» служит скорее для усиления убедительности, чем для какого-то именно прояснения вопроса. Как, например, в следующем контексте присутствует риторическое усиление за счет противопоставления научного исследования и произвольного «рисования дендрограмм»: «…автоматизированная система кластеризации превращается в этих условиях из инструмента исследования структуры **объективной реальности** в автоматизированный инструмент рисования таких дендрограмм, какие больше нравятся пользователю» [Луценко, 2011, с. 5].

Примечательно, что риторические контексты размывают противопоставление объективного и субъективного: «Значительная доля остающегося недоумения обусловлена не только **объективными причинами**, связанными с недостатком необходимых сведений, но и **субъективными факторами**, в частности, широким распространением так называемой стандартной модели Солнца» [Веселовский, 2008]. Насколько причины, связанные с недостатком необходимых

сведений, более объективны, чем факторы, связанные с широким распространением так называемой стандартной модели Солнца?

Методологический тип контекстов

Методологический тип контекстов является доминирующим: зафиксировано 37 вхождений в 12 текстах.

Объективность в методологическом типе контекстов выступает прежде всего как характеристика способа получения знания, т.е. как свойство используемых методов, процедур и измерительных практик. В этом случае она соотносится не с онтологическим статусом изучаемых явлений, а с процедурными параметрами исследования. Акцент переносится на процесс получения данных: объективными называются методы, оценки, анализы и процедуры постольку, поскольку они обеспечивают формализуемый, проверяемый и независимый от индивидуальных особенностей исследователя результат.

Например, в контексте: «…отсутствие **объективных** методов контроля за результатами облучения, которые позволили бы давать оптимальную дозу облучения в каждом конкретном случае» [Владимиров, 1999, с. 2–3], – объективное прямо связывается с наличием или отсутствием инструментально и процедурно организованных способов фиксации объема воздействия и его результатов. Речь идет не о том, что сами эффекты лазерного воздействия являются или не являются «объективными» в онтологическом смысле, а о невозможности их надежной регистрации и количественной оценки. Тем самым критерий объективности локализуется в процедурах контроля и измерения, а не в соотнесенности знания с независимой реальностью.

В ряде контекстов методологическое понимание объективности видоизменяется и уточняется: объективное развивает более узкое значение, синонимичное инструментально и количественно измеренному, а также научному (также понятному инструментально). Например, в тексте [Коренбаум, 2004] *объективное* понимается как измеренное с использованием инструментальных, формализованных и, как правило, количественно исчислимых методов. Речь идет об измерении акустических характеристик при болезнях легких, которое обычно делается врачом «на слух»: «Аускультация легких, т.е. искусство выслушивания дыхательных и голосовых звуков, проведенных на стенку грудной клетки, имеет почти 200-летнюю медицинскую историю. Тем не менее до сих пор не удавалось **объективизировать** эту диагностическую процедуру, создать надежные акустические технологии, которые могли бы найти применение в современной медицинской практике» [Там же, с. 68]. Далее противопоставляются

два типа знания: субъективное, основанное на индивидуальном опыте врача («врачебное искусство»), и объективное – инструментально опосредованное, допускающее количественную фиксацию и воспроизводимость результатов («объективная наука»): «…эта диагностическая процедура остается более врачебным искусством, чем **объективной** наукой…» [Коренбаум, 2004, с. 69].

В тексте [Гичев, 1999] присутствует противопоставление субъективных способов измерения электромагнитных полей, имевшихся в прошлом (в статье упоминаются данные опросов), прямому, инструментальному измерению: «Совместить в себе **объективность** прямой дозиметрии и возможность применения для оценки экспозиции ЭМП, имевшейся в прошлом, был призван метод вычисления экспозиционной дозы, введенный в практику исследований с начала 90-х гг.» [Там же, с. 25]. Далее объективность ставится в один ряд с научной обоснованностью: «Таким образом, вопросы стандартизации методов исследования и выбора наиболее **объективных и научно обоснованных** критериев величины воздействия ЭМП на человека остаются на настоящее время определяющими для дальнейшего развития знаний в этой области» [Там же, с. 25–26].

Объективность в методологическом типе контекстов также закрепляется в составе специализированной терминологии: всего обнаружено 7 употреблений в 2 текстах. Так, выражение *объективная экстраполяция* [Сандуляк, 2010] обозначает процедуру, основанную на экспериментально установленной и теоретически обоснованной закономерности, при которой параметры выводятся из эмпирических данных и допускают оценку погрешности. Аналогичным образом, *объективная производная* в механике сплошных сред определяется как величина, не зависящая от выбора системы отсчета [Роговой, 2005].

Обсуждение

Анализ языковых практик позволяет реконструировать ряд имплицитных когнитивных установок, регулирующих научную деятельность. Проблематичный характер объективности выявляется непосредственно на языковом материале: по текстам можно реконструировать установку на объективность как на проблематичную, дефицитную характеристику, понимание и реализация которой требует методологических усилий. В относительно небольшой, но концептуально значимой группе контекстов объективность представлена как отсутствующая, дефицитная или проблематичная; всего выявлено 8 таких употреблений. В этих примерах объективность не выступает как данное или самоочевидное свойство знания, а, напротив, подвергается

проблематизации через указание на отсутствие необходимых параметров и методов, недостаточную разработанность процедур, ограниченность или несовершенство применяемых подходов, а также через сомнения в достоверности получаемых результатов: «…**объективная** сравнительная **оценка** возможности методик **затруднена** ввиду отсутствия во многих публикациях необходимых химикоаналитических и метрологических параметров» [Базель, 2012, с. 578], «Методологические неточности, связанные, в первую очередь, с **проблемой объективной оценки** экспозиционной дозы» [Гичев, 1999, с. 47], «Традиционный физико-математический подход **не всегда обеспечивает объективную** регистрацию динамики развития заболеваний» [Пятин, 2018, с. 147].

Эта проблематичность и напряженность в употреблении понятия объективности проявляется не как логическое противоречие в строгом смысле, а как различие уровней его функционирования в научном дискурсе. С одной стороны, фиксируется несоответствие между эксплицитными декларациями объективности и ее отсутствием на уровне риторики научного дискурса; с другой – возникают затруднения при попытке реконструировать само содержание понятия объективности на основе эмпирического материала и соотнести его с философскими интерпретациями, что связано с конкуренцией различных контекстуальных значений рассматриваемого понятия.

Объективность в языке науки и объективность языка науки – разные режимы

Традиционная концепция наивного реализма, предполагающая прямой доступ ученого к фактам окружающей действительности, довольно редко (см. онтологические контексты) проявляется в современных научных текстах. Напротив, наиболее распространены методологические контексты, в которых объективность понимается прежде всего как характеристика методов исследования и процедур получения знания, а не как свойство самой реальности. Речь идет о способах, с помощью которых знание стремится быть объективным, а не о непосредственной фиксации фактов, существующих вне наблюдателя. Таким образом, объективность выражена в языке науки не как прямо соответствующее внешнему миру, а как результат корректно организованной исследовательской процедуры, обеспечивающей надежность полученных данных. Это смещение акцента с онтологического статуса знания на условия его получения закономерно ведет к приоритету измеримости как ключевого критерия объективности.

Эта установка проявляется в методологических контекстах: объективность систематически связывается с измерительными, количественно исчислимыми и инструментальными способами получения знания. Особый акцент делается на использовании приборов, стандартизированных методик и формализованных процедур обработки данных. Мы наблюдем семантическую деривацию лексемы *объективный* и приобретение ей дополнительного «инструментального» оттенка значения: она понимается как эффект применения определенных технических и методологических средств. Предельным выражением такого подхода становится идеал «механической фиксации» результатов наблюдений или экспериментов, при которой участие субъекта должно быть сведено к минимуму, а наблюдение – передано приборам и измерительным устройствам.

В теоретическом плане этот идеал соотносится с подвидом механической объективности в концепции, предложенной Л. Дастон и П. Галисоном. Как мы уже отмечали выше, в рамках их подхода объективность (формализованная и инструментально обеспеченная регистрация без участия субъекта) рассматривается не как универсальное и неизменное свойство научного знания, а как исторически изменчивая эпистемическая добродетель, наряду с «истиной-по-природе» (идеализацией сущности) и «тренированным суждением» (экспертной интерпретацией). Переход между этими формами отражает изменение представлений о роли субъекта в познании – от центральной роли ученого-гения («истина-по-природе») – к его радикальному устранению («механическая объективность») – и далее к его дисциплинированному включению в виде обученного интерпретатора («тренированное суждение»).

Эксплицитные выражения объективности, которые мы анализировали – методологический тип, как раз соответствуют «механической объективности», поскольку делают акцент на инструментальность, исчислимость и процедурную строгость, предполагая минимизацию или устранение субъективного вклада.

Однако на уровне реального функционирования научного текста эта картина существенно усложняется. Даже в тех случаях, когда речь идет об «объективных» результатах, язык научных статей демонстрирует наличие интерпретативных стратегий, риторических приемов (даже в онтологическом типе контекстов) и эпистемических оценок. Как показывают исследования научного дискурса, в нем регулярно присутствуют способы организации материала, которые не сводятся к фиксации данных, а включают их отбор, акцентирование и интерпретацию (см. подробный анализ в [Сахарова, 2025]). В этом смысле научный текст оказывается не прозрачным отражением фактов, а сложной дискурсивной практикой, в которой субъект не устраняется, а лишь перераспределяется по различным уровням текста – от явных оценок до скрытых риторических структур.

Именно это соответствует тому, что Л. Дастон и П. Галисон описывают как режим «тренированного суждения»: здесь объективность предполагает не устранение субъекта, а его профессионально сформированную способность к интерпретации. Как отмечают авторы, эксперт «способен научиться – читать, интерпретировать, извлекать заметные и значимые структуры из мешанины неинтересных артефактов и фона» [Дастон, Галисон, 2018, с. 456]. Тем самым научный текст фиксирует не только результаты наблюдения, но и сам процесс их интерпретации, осуществляемый исследователем.

Тем самым в языке научных статей возникает внутреннее напряжение: на уровне явных деклараций воспроизводится идеал механической объективности, тогда как на уровне фактической организации текста имплицитно реализуется логика тренированного суждения. Это расхождение указывает на внутреннюю неоднородность понятия объективности и демонстрирует, что оно функционирует одновременно в нескольких несводимых друг к другу эпистемических режимах.

В более широком смысле это позволяет предположить, что между данными режимами – от механической объективности к тренированному суждению – постепенно происходит переход, затрагивающий не только теоретические модели науки, но и реальные языковые практики ее описания. Однако этот процесс, по-видимому, не фиксируется и не рефлексируется самим научным сообществом в явной форме: смена эпистемических установок осуществляется на уровне практик и дискурсивных привычек, оставаясь скрытой за сохранением традиционных формулировок и нормативных деклараций об инструментальной и механической объективности научного знания.

Три значения объективности

Проблема объективности научного знания во многом связана с неоднозначностью самого термина. В исследовании Л.В. Шиповаловой дается подробный обзор различных подходов объективности в философской литературе и фиксируется по меньшей мере три различных семантических компонента понятия объективности: объективность как соответствие реальности; как независимость от субъекта, достигаемая через процедуры и методы; и как разделяемость и социальная устойчивость знания [Шиповалова, 2014, с. 307].

Если соотнести эти философские различения с языковыми практиками науки, то получается, что первые два значения представлены в нем достаточно отчетливо. С одной стороны, хоть и в редких случаях, но сохраняется и ориентация на реальность: научные

высказывания претендуют на описание внешнего мира и тем самым апеллируют к онтологическому значению объективности как соответствия объекту. С другой стороны, объективность связывается с характеристиками исследовательских процедур – воспроизводимостью, стандартизированностью, контролируемостью, что соответствует методологическому пониманию.

Третье значение объективности, присутствующее в философской литературе, – интерсубъективное – наиболее последовательно разработано в рамках «сильной программы» социологии знания, прежде всего у Д. Блура: «Я полагаю, что объективное убеждение – это убеждение, которое не принадлежит ни одному отдельному человеку. Оно не колеблется, как субъективное состояние или личное предпочтение. Оно не мое и не ваше, но им можно поделиться. Оно имеет внешний, предметный аспект» [Bloor, 1984, p. 229]. В данной трактовке объективность связывается не с соответствием реальности и не с устранением субъекта, а с социальной разделяемостью и устойчивостью знания внутри научного сообщества.

Именно это значение практически не обнаруживается в анализируемых языковых практиках научных текстов. Его отсутствие позволяет частично объяснить напряжение между представителями естественных наук и сторонниками «сильной программы», проявившееся в ходе так называемых «научных войн». Учеными объективность мыслится в методологическом и онтологическом ключе – как процедурная надежность и соответствие реальности. Интерсубъективная трактовка, сводящая объективность к социальным механизмам согласия, оказывается для исследователей естественно-научных специальностей чуждой, поскольку не находит опоры в их собственных языковых практиках. Именно это расхождение в понимании объективности, возможно, и обусловило резкость полемики: речь шла не просто о разных теориях науки, а о *различных семантических режимах одного и того же ключевого понятия*. Это подтверждают и выводы исследования Л.В. Шиповаловой о том, что именно конфликт двух основных интерпретаций научной объективности является основанием современного противостояния эпистемологического рационализма (реализма) и релятивизма (конструктивизма) как двух подходов к исследованию научной деятельности [Шиповалова, 2014, с. 308].

Таким образом, три значения объективности – онтологическое, методологическое и интерсубъективное – не только концептуально различаются, но и неравномерно представлены в языке науки и философской рефлексии. Если первые два активно функционируют и структурируют научный дискурс, то третье остается внешним по отношению к нему, что и создает предпосылки для теоретических и методологических конфликтов.

В более общем плане это ставит вопрос о статусе ряда философских концепций науки (например, вышеупомянутой «сильной программы»), которые, несмотря на заявленную опору на анализ научной практики, фактически формируются на основе внешней по отношению к самой научной практике интерпретации объективности. В результате возникает ситуация, при которой теоретические модели описывают науку как целостный и концептуально упорядоченный объект, тогда как сами практики науки (в данном случае – языковые) демонстрируют более фрагментарную, контекстно зависимую и внутренне неоднородную организацию. Отсюда следует потенциальный разрыв между философской реконструкцией науки и тем, как научное сообщество фактически использует и осмысляет собственные базовые понятия, например в данном случае понятие объективности. В результате философская реконструкция может фиксировать скорее нормативные или идеализированные формы научной практики, а не их дескриптивные характеристики, что приводит к смещению от описания науки «как она есть» к ее концептуальной модели «как она должна быть» в рамках той или иной теоретической перспективы.

Выводы

Полученные результаты позволяют уточнить статус объективности в современной научной практике, сместив фокус с ее философского осмысления на реальные способы функционирования в языке науки. Относительно невысокая частотность лексемы *объективный* и производных от нее при их высокой нормативной значимости свидетельствует о том, что объективность не является предметом явной рефлексии, а функционирует как имплицитная эпистемическая установка, встроенная в научную коммуникацию.

Проведенный анализ позволил уточнить распределение различных значений объективности в научном дискурсе: онтологическое и методологическое значения устойчиво выявляются на уровне языковых практик. Доминирование методологического типа употреблений показывает, что в языковой рецепции ученых объективность в первую очередь соотносится не с онтологическим статусом реальности, а с характеристиками исследовательских процедур и результатов. При этом выявлены семантические расширения лексемы: объективность понимается из контекста как «научность», «инструментальность», «исчислимость», «естественность». Объективность в этих случаях перестает быть отдельной эпистемической характеристикой и начинает выполнять роль обобщенного маркера легитимного знания, происходит семантическое «растворение» объективности

в комплексе требований к научному знанию, при котором она уже не противопоставляется другим его свойствам, а выступает их интегральным обозначением.

Онтологический тип контекстов демонстрирует, что значение объективности как характеристики реальности или соответствия ей сохраняется в научном языке, но занимает периферийное положение и реализуется в ограниченном числе случаев. При этом внутри данного типа объективность как характеристика может относиться как к самой реальности, так и к знанию о ней – в смысле его соответствия действительному положению вещей. Из онтологического значения «вырастают» риторические употребления, что демонстрирует функцию объективности как ценностного маркера, обеспечивающего легитимацию высказываний. В этих случаях она утрачивает строгую определенность и выступает как элемент научного дискурса, направленный на усиление убедительности.

Представленное в философской (и социологической) рефлексии науки интерсубъективное измерение объективности отсутствует в научных текстах. Это расхождение смысла объективности между наукой и философией науки имеет принципиальное значение, поскольку указывает на существование напряжения между различными режимами понимания объективности: с одной стороны, закрепившимися в научной коммуникации представлениями о соответствии реальности и процедурной надежности, с другой – теоретическими моделями, акцентирующими социальную природу знания. Именно эта асимметрия приводит к напряжению между различными философскими интерпретациями науки, поскольку разные подходы акцентируют различные аспекты объективности, тем самым формируя не только конкурирующие теоретические модели, но и несовпадающие семантические режимы понимания природы научного знания.

Неоднозначный характер объективности может быть обнаружен не только на границе между наукой и ее философскими описаниями, но и внутри самой научной практики. На уровне прямого высказывания научный текст воспроизводит установку на механическую объективность (в терминологии Л. Дастон и П. Галисона) – через апелляцию к воспроизводимости, стандартизации и инструментальной независимости. Однако на уровне реальных языковых практик наука не может устранить интерпретативное участие исследователя: язык научных статей неизбежно включает элементы оценки, выбора и риторической организации материала. Эта риторичность и субъективность проявляются даже в употреблениях самой лексемы *объективный*. Это приводит к внутреннему напряжению между декларируемой безличностью знания и фактической природой его производства, в которой объективность оказывается не устранением субъекта, а результатом социально организованных практик.

Источники

Баженов и др., 2014 – *Баженов Ю.М., Чернышов Е.М., Коротких Д.Н.* Конструирование структур современных бетонов: определяющие принципы и технологические платформы // Construction materials. 2014. № 3. С. 6–14.

Веселовский, 2008 – *Веселовский И.С.* Происхождение солнечного ветра: астрофизический и плазменно-физический аспекты проблемы // Солнечно-земная физика. 2008. Т. 1. С. 93–98.

Владимиров, 1999 – *Владимиров Ю.А.* Лазерная терапия: настоящее и будущее // Соровский образовательный журнал. 1999. № 2. С. 2–8.

Гармаш и др., 2005 – *Гармаш В.Б., Егоров Ф.А., Коломиец Л.Н. и др.* Возможности, задачи и перспективы волоконно-оптических измерительных систем в современном приборостроении // Фотон-экспресс. 2005. № 6 (46). С. 128–140.

Гичев, Гичев, 1999 – *Гичев Ю.П., Гичев Ю.Ю.* Влияние электромагнитных полей на здоровье человека // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. 1999. № 52. С. 1–91.

Жмудь, 2015 – *Жмудь В.А.* Системный подход к доказательствам или опровержениям гипотез // Автоматика и программная инженерия. 2015. № 4 (14). С. 100–133.

Коренбаум и др., 2004 – *Коренбаум В.И., Почекутова И.А., Костив А.Е., Кулаков Ю.В., Тагильцев А.А.* Акустическая диагностика системы дыхания человека на основе объективного анализа дыхательных звуков // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 5 (117). С. 68–79.

Леонов и др., 2018 – *Леонов О.А., Шкаруба Н.Ж., Вергазова Ю.Г., Антонова У.Ю.* Метрологическое обеспечение контроля гильз цилиндров при ремонте дизелей // Вестник Барановичского государственного университета. Серия «Технические науки». 2018. № 6. С. 104–109.

Луценко, 2011 – *Луценко Е.В.* Методологические аспекты выявления, представления и использования знаний в асканализе и интеллектуальной системе «Эйдос» // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 70. С. 1–49.

Морозов, 2014 – *Морозов А.В.* Качественная теория дифференциальных уравнений – основная составляющая теории динамических систем // Труды Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. 2014. Вып. 642. С. 177–184.

Роговой, 2005 – *Роговой А.А.* Определяющие соотношения для конечных упруго-неупругих деформаций // Прикладная механика и техническая физика. 2005. Т. 46. № 5. С. 138–149.

Сандуляк и др., 2010 – *Сандуляк А.А., Свистунов Д.И., Полисмакова М.Н. и др.* «Экстраполируемая цепочка» магнитных тест-фильтров как средство контроля ферропримесей // Законодательная и прикладная метрология. 2010. № 3. С. 26, 35–39.

Список литературы

Арутюнова, 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.

Арутюнова, 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 911 с.

Витгенштейн, 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 352 с.

Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М.: НЛО, 2018. 584 с.

Кустова, 2008 – *Кустова Г.И.* Оценки истинности/ложности (на материале прилагательных «истинный» и «ложный») // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2008. С. 159–170.

Логический анализ языка, 1991 – *Логический анализ языка.* Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 203 с.

Логический анализ языка, 1995 – *Логический анализ языка.* Истина и истинность в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. М.: Наука, 1995. 202 с.

Полани, 1995 – *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина; ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова. М., 1995. 344 с.

Радбиль, 2017 – *Радбиль Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 591 с.

Радбиль, 2016 – *Радбиль Т.Б.* Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М.: Гнозис, 2016. С. 137–148.

Сахарова, 2025 – *Сахарова А.В.* Лингвистическая одиссея науки: через сомнение к границам знания. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2025. 219 с.

Соколова, 2022 – *Соколова Т.Д.* Объективность: регулятивный идеал или мнимая цель? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 27–32. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-27-32.

Шиповалова, 2014 – *Шиповалова Л.В.* Научная объективность в исторической перспективе: дис. … доктора философских наук: 09.00.08. СПб., 2014.

Шиповалова, 2025 – *Шиповалова Л.В.* Концепт объективности как проблема философии науки // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 6–21. DOI: 10.5840/eps20256211.

References

Arutyunova, N. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 339 pp. (In Russian)

Arutyunova, N. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” Publ., 1999, 911 pp. (In Russian)

Bloor, 1984 – Bloor, D. "A Sociological Theory of Objectivity", *Royal Institute of Philosophy Lecture Series*, 1984, vol. 17, pp. 229–245. DOI: 10.1017/S0957042X00002005.

Daston, L. & Galison, P. *Ob"ektivnost'* [Objectivity], trans. by T. Varkhotova, S. Gavrilenko, A. Pisareva. Moscow: NLO Publ., 2018, 584 pp. (In Russian)

Kustova, G. "Otsenki istinnosti/lozhnosti (na materiale prilagatel'nykh 'istinnyi' i 'lozhnyi')" [Evaluations of Truth/Falsity (Based on the Adjectives "True" and "False")], in: N. Arutyunova (ed.). *Logicheskii analiz yazyka. Mezhdu lozh'yu i fantaziei* [Logical Analysis of Language. Between Falsehood and Fantasy]. Moscow: Indrik Publ., 2008, pp. 159–170. (In Russian)

Lederman & Zeidler, 2023 – Lederman, N.G. & Zeidler, D.L. *Handbook of Research on Science Education: Volume III*, ed. by J.S. Lederman. London: Routledge, 2023.

Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke [Logical Analysis of Language. Truth and Truthfulness in Culture and Language]. Moscow, 1995, 202 pp. (In Russian)

Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical Analysis of Language. Cultural Concepts]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 203 pp. (In Russian)

Polanyi, M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy], trans. by M. Gnedovsky, N. Smirnova, B. Starostin, ed. by V. Lektorsky, V. Arshinov. Moscow, 1995, 344 pp. (In Russian)

Radbil, T. "Metayazykovye pokazateli so znacheniem istinnosti v rechevykh strategiyakh de re" [Metalinguistic Markers of Truth in de re Speech Strategies], in: *Logicheskii analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh* [Logical Analysis of Language. Information Structure of Texts of Different Genres and Epochs]. Moscow: Gnozis Publ., 2016, pp. 137–148. (In Russian)

Radbil, T. *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow: YaSK Publ., 2017, 591 pp. (In Russian)

Sakharova, A. *Lingvisticheskaya odisseya nauki: cherez somnenie k granitsam znaniya* [Linguistic Odyssey of Science: From Doubt to the Limits of Knowledge]. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science Publ., 2025, 219 pp. (In Russian)

Shapin, 2015 – Shapin, S. "Truth and Credibility in Science", *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2015, vol. 24, pp. 673–678.

Shipovalova, L. "Kontsept ob"ektivnosti kak problema filosofii nauki" [The Concept of Objectivity as a Problem of Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2025, vol. 62, no. 1, pp. 6–21. DOI: 10.5840/eps20256211.

Shipovalova, L. *Nauchnaya ob"ektivnost' v istoricheskoi perspektive: dis. doktora filosofskikh nauk* [Scientific Objectivity in Historical Perspective: Doctoral Dissertation]. St. Petersburg, 2014. (In Russian)

Sokolova, T.D. "Ob"ektivnost': regulyativnyy ideal, ili mnimaya tsel'?" [Objectivity: A Regulative Ideal, Or an Imaginary Goal?], *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2022, vol. 5 (4), pp. 27–32. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-27-32. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], trans. by L. Dobroselsky. Moscow: AST Publ., 2018, 352 pp. (In Russian)

Zerbe, Hanganu-Bresch & Cutrufello, 2025 – Zerbe, M.J., Hanganu-Bresch, C., Cutrufello, G. "The Rhetoric of Science in (Times of) Crisis", *Rhetoric Society Quarterly*, 2025, vol. 55, no. 3, pp. 207–222. DOI: 10.1080/02773945.2025.2493481.